

На правах рукописи



Лобин Александр Михайлович

**Концепции истории и формы их художественной репрезентации
в русской литературе начала XXI века**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Саратов

2019

Работа выполнена на кафедре филологии, издательского дела и редактирования
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского»
Ванюков Александр Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»
Ковтун Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
Урюпин Игорь Сергеевич

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»
Сорокина Наталья Владимировна

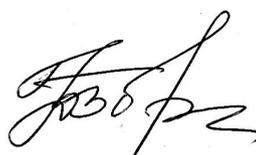
Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тверской государственный
университет»

Защита состоится «__» _____ 2019 года в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.243.02, созданного на базе ФГБОУ ВО
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская,
д. 83, корп. XI, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
им. В. А. Артисевич и на сайте ФГБОУ ВО «Саратовский национальный иссле-
довательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2018/12/17/dissertaciya_lobina.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



Ю. Н. Борисов

Общая характеристика работы

Историческое общественное сознание является одним из наиболее значимых факторов, определяющих образ жизни как отдельных социальных групп, так и общества в целом. Оно охватывает все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает, воспроизводит и оценивает свое движение во времени¹, и складывается в определенную систему взаимодействия различных форм социальной памяти.

Масштабные политические, социальные и экономические перемены рубежа II и III тысячелетий, происходящие на фоне экологического кризиса и многочисленных техногенных катастроф, стали закономерной причиной коренных изменений в сфере культуры, ломки национальных и индивидуальных мировоззрений. Новый образ жизни, формирующийся буквально на глазах, требует нового понимания природы человека, целей его существования и принципов взаимодействия с окружающей средой.

На рубеже XX-XXI веков одним из факторов, определяющих новую картину мира, стала всемирная политика глобализации. Для общественного сознания России в контексте этой тенденции наиболее важными задачами стали оценка перспектив вхождения нашей страны в мировое глобализованное сообщество и определение ее места в нем. Их решение требует ответа на ряд вопросов: о природе российской государственности, о специфике национального менталитета, а также о возможности интеграции нашей культуры в общемировое культурное поле.

Поиск ответов на эти вопросы осуществляется путем переоценки исторического опыта прошлого нашей страны и создания проекта ее позитивного будущего. Эта работа активно и целенаправленно проводится во всех сферах культуры – философской, научной, публицистической – и сопровождается острейшей полемикой по каждой из поставленных проблем.

Ситуация рубежа тысячелетий и общая эволюция философско-исторической мысли стали факторами, сформировавшими новое понимание исторического процесса. Для исторического дискурса начала XXI века характерны более взвешенное и объективное отношение к прошлому, интерес не только к т. н. «тайнам истории», но и к быту, культуре, религиозным и национальным проблемам.

Ведущая роль в изучении прошлого принадлежит науке, но и другие составляющие исторического дискурса не менее значимы. Историческая наука

¹ См. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 191.

и литература о прошлом выполняют общую работу по рефлексии исторического процесса. У литературы есть своя специфическая функция в этом процессе: «искусство воссоздает принципиально новый уровень действительности <...> Резкое возрастание степеней свободы по отношению к реальности делает искусство полюсом экспериментирования <...>»². Литература является значимым фактором, определяющим сознание общества, а также одним из источников информации о прошлом.

Понятие *истории* как объекта исследования неоднозначно. Этот термин «<...> может иметь по меньшей мере два смысла – под "историей" может пониматься либо <...> совокупность происшедших событий, либо <...> повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст <...>»³. Совокупность происшедших событий в памяти потомков представлена как корпус первичных исторических документов и научно установленных фактов, многократно интерпретированных в рамках различных историко-философских направлений. В рамках художественно-исторического исследования исторические события и факты играют роль материала, а нарративный текст становится продуктом художественной рефлексии.

В процессе создания художественного произведения на историческую тему перед автором, прежде всего, встает ряд проблем содержательного плана: выбор исторических событий и действующих лиц, описываемых в произведении, а также первоисточников, из которых он черпает фактическую информацию. Ему приходится решать проблемы неполноты и противоречивости исходного материала, устанавливать приоритеты его оценки, так как в отдельном произведении в принципе не может быть отражено все многообразие точек зрения, существующих одновременно в общественном историческом сознании.

Для создания произведения о прошлом недостаточно только фактического знания прошлого. Необходимо еще и свое понимание этого прошлого, нужна определенная *концепция истории*, на основе которой происходит отбор и оценка исторического материала. Формирование этой концепции происходит в *сознании автора*, которое служит «<...> объединяющим началом эпического текста»⁴ и определяет подходы к изображению действительности.

Историческое сознание автора формируется в конкретно-исторической среде и каждый писатель, несомненно, испытывает влияние актуального социокультурного контекста. По мере накопления системных изменений в

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 235.

³ Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 10.

⁴ Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение. М., 1999. С. 17.

общественном историческом сознании эволюционирует историческое сознание как отдельных авторов, так и целых литературных направлений, поэтому исторические произведения, созданные в начале XXI века, по форме и содержанию закономерно отличаются от тех, что были написаны ранее⁵.

Концепция истории в произведении реализуется в виде нарративного текста, в котором мысль автора выражается в конкретной жанровой форме через элементы поэтики. Поэтому выбор жанра, создание сюжета и системы персонажей в значительной мере определяются природой концепции истории, а художественный текст в целом является *формой* ее репрезентации.

Вместе с тем, художественный текст обладает собственной эстетикой. Историческое событие и связанная с ним рефлексия преломляются в структуре литературного произведения, приобретают форму самостоятельного образа. Используемые художественные средства (жанровая парадигма, принципы сюжетологии, сама природа художественной образности), в свою очередь, влияют на процесс формирования концепции истории автора: они требуют поляризации конфликтов, введения положительных и отрицательных персонажей. В конечном итоге писатель создает принципиально иную, художественную реальность, в которой обнаруживаются «не только точные или неточные воспроизведения событий реальной истории, но и свои законы, по которым совершаются исторические события, своя система причинности или "беспричинности" событий»⁶.

В рамках общественного исторического дискурса каждое литературное произведение с его картиной мира, системой сюжетообразующих конфликтов, воплощенных в образах и поступках литературных героев, становится отдельным высказыванием. Непосредственное представление какой-либо концепции истории является ее *презентацией*. Художественные произведения, в которых результат рефлексии исторического процесса может быть представлен наиболее эффективным образом, М. М. Бахтин относил к числу *вторичных речевых жанров*⁷, поэтому в данной работе художественные произведения рассматриваются в качестве средств *репрезентации* концепций истории.

Изучению художественных концепций истории как отдельных авторов, так и литературных направлений посвящены исследования П. В. Бекедина,

⁵ См.: Ванюков А. И. К истории русской литературы XXI века: проблема периодизации и типологии. Введение методологическое // Русская литература XX-XXI веков: проблема теории и методологии изучения. М., 2006. С. 25–29.

⁶ Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 77.

⁷ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 161.

П. П. Гайденко, Л. К. Долгополова, К. Г. Исупова, Ю. М. Лотмана, С. Н. Носова, А. П. Скафтымова, Ю. В. Стенника. Анализ проблем художественного историзма, генезиса и структуры жанровой парадигмы исторической прозы представлен в работах Л. П. Александровой, И. Р. Варфоломеева, С. И. Кормилова, Г. В. Макаровской, В. Д. Оскоцкого, А. И. Пауткина, С. М. Петрова, З. В. Удоновой, Б. А. Успенского.

Исследованию исторической прозы посвящены докторские диссертации Н. М. Щедриной «Исторический роман в русской литературе последней трети XX века» (1995), где рассмотрены такие основополагающие категории как «концепция личности и философия истории», «формы выражения авторского сознания», «мотив, композиция и функции хронотопа»; Д. Д. Николаева «Русская проза 1920–1930-х годов» (2006), в которой представлено исследование авантюрной, фантастической и исторической литературы; А. Ю. Сорочана «Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века» (2008), интересной, прежде всего, анализом художественно-исторических концепций писателей XIX века и характеристикой форм репрезентации истории.

Также активно изучается историософская составляющая русской литературы. Основательно исследована историософская концепция и художественный мир А. И. Солженицына, защищены докторские диссертации Т. Н. Бреевой «Концептуализация национального в русской историософском романе ситуации рубежности» (2011) и Т. Е. Сорокиной «Художественная историософия современного русского романа» (2011), И. Л. Бражникова «Историософский текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века» (2011). Различным аспектам изучения исторической прозы посвящено также значительное количество кандидатских диссертационных работ.

Художественное отражение событий прошлого – это не единственный метод постижения истории. В общественном сознании исторический процесс включает оценку прошлого (сформированную на основе документов эпохи, семейных преданий и пр.), субъективное отношение к настоящему и представление о будущем: «<...> прошлое – только грань исторического сознания, которое концептуализирует связь между всеми тремя модальностями времени: прошлым, настоящим и будущим <...>», – писал М. А. Барг⁸. Представление о будущем и отношение к настоящему служат критериями оценки прошлого, а оценки прошлого и отношение к настоящему дают

⁸ Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 24.

материал для футурологических прогнозов. Таким образом, в историческом общественном сознании утверждается представление о неразрывной связи времен, вследствие чего настоящее и будущее включаются в общую историческую перспективу.

Поэтому концепция истории включает еще один элемент – *образ будущего*, который также влияет на оценку и настоящего, и прошедшего. Литературными жанрами, которые осуществляют репрезентацию будущего, традиционно являются родственные жанры утопии и антиутопии, реализующие позитивный и негативный варианты предполагаемого развития.

В начале XXI века антиутопия приобрела большую популярность. Эта тенденция была отмечена литературоведами, и на рубеже XX–XXI веков жанру антиутопии был посвящен ряд монографий: Л. М. Юрьева «Русская антиутопия в контексте мировой литературы» (2005); О. Н. Николенко, Е. А. Копач «Современная русская антиутопия: традиции и новаторство» (2006); докторские диссертации Б. А. Ланина «Русская литературная антиутопия XX века» (1993); А. Е. Ануфриева «Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века» (2002); А. Н. Воробьевой «Русская антиутопия XX-начала XXI веков в контексте мировой антиутопии» (2009).

Еще одним популярным направлением работы является исследование исторической беллетристики и массовой литературы. О необходимости их изучения писали Ю. М. Лотман, М. А. Черняк, В. Е. Хализев и другие литературоведы. Беллетристика отражает состояние массового исторического сознания, поэтому ее анализу посвящено множество работ современных культурологов, политологов и социологов, которые судят по ее содержанию о наиболее актуальных трендах общественного дискурса.

Вместе с тем, анализируя степень разработанности темы, следует подчеркнуть, что специальных обобщающих исследований исторических и антиутопических произведений, появившихся в начале XXI века, создано не было.

Диссертационное исследование, представленное к защите, продолжает и обобщает нашу работу по изучению принципов взаимодействия литературы и истории. Высокий интерес общества к собственной истории, эволюция общественного исторического сознания начала XXI века, изменившая как содержание художественно-исторических концепций современных авторов, так и формы их художественной репрезентации, обуславливают **актуальность работы**.

Объект исследования – художественные произведения начала XXI века, в которых репрезентированы актуальные концепции российской истории.

Предметом исследования являются концепции истории, положенные в основу исторических, историко-фантастических и антиутопических произведений начала XXI века, а также формы художественной репрезентации этих концепций.

Материалом исследования стали наиболее репрезентативные произведения, созданные в начале XXI века: исторические романы Б. Васильева «Князь Святослав», А. Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» и Д. Гранина «Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М.»; антиутопии В. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль», А. Волоса «Маскавская Мекка» и В. Пелевина «S.N.U.F.F.»; ретро-детективы Б. Акунина из серии «Приключения Эраста Фандорина», цикл альтернативно-исторических романов Хольма Ван Зайчика «Евразийская симфония (Плохих людей нет)», а также романы А. Баренберга «Первым делом самолеты» и А. Шевцова «Мы из будущего», относящиеся к популярному в современной исторической фантастике жанру «"попаданцы" на Великой Отечественной войне».

Выбор произведений для анализа производился по следующим критериям: принадлежность к историческому, историко-беллетристическому или антиутопическому жанру, наличие оригинальной исторической концепции и выраженность авторской установки на концептуальное отражение исторического процесса. Предпочтение отдано авторам, в творчестве которых исследование истории занимает значительное место. В целях повышения репрезентативности материала исключены произведения автобиографического и мемуарного характера, в которых преобладает субъективная оценка событий. Избранные тексты отражают состояние художественно-исторического дискурса начала XXI века и в совокупности раскрывают наиболее актуальные для современного читателя темы.

В диссертации рассматриваются исторические и историко-публицистические произведения, а также интервью и статьи исследуемых авторов, позволяющие более полно выявить их точку зрения. Особое внимание уделяется работам литературоведов, рецензиям и критическим обзорам, а также статьям социологов и культурологов, исследующих ведущие тенденции развития современной культуры.

Научная новизна исследования заключается в анализе малоизученных произведений начала XXI века. Впервые в рамках художественно-исторического дискурса рассмотрены утопические и антиутопические произведения, а также историческая беллетристика, являющиеся его неотъемлемой со-

ставляющей. Представлены структурная и содержательные характеристики художественных концепций истории, актуальных для современного общественного сознания, исследованы формы их художественной репрезентации, определены направления эволюции жанровой парадигмы ретроспективной и антиутопической прозы.

Теоретическая значимость исследования заключается в осуществлении многоуровневого историко-типологического и структурно-семантического анализа актуальной научной проблемы «литература и история» в аспекте взаимодействия художественной и внехудожественной реальностей; выявлении концепции истории автора и художественных форм ее реализации в произведении; в разработке методологии анализа художественных концепций истории.

Исследованы отмеченные критиками и литературоведами трансформации, которые претерпели жанры, включенные в художественно-исторический дискурс рубежа XX-XXI веков, такие как исторический роман и антиутопия, выделены новые типологические черты этих жанров литературы. Проведен типологический анализ историко-беллетристической прозы, исследованы система персонажей, сюжетное пространство и магистральный сюжет ретро-детектива и исторической фантастики, дана характеристика личности их главных героев.

Использованный в данном диссертационном исследовании подход позволяет дать ответ на ряд актуальных вопросов современного литературоведения и оценку оригинальности авторской картины мира, определить степень ее обусловленности социокультурным контекстом, а также дает возможность представить комплексную типологическую характеристику той составляющей художественно-литературного процесса, которая посвящена изображению событий прошлого и моделированию будущего нашей страны. Значительный объем произведений разных жанров, исследованный в диссертации, допускает возможность широких обобщений.

Целью данной работы является анализ актуальных концепций истории, представленных в произведениях Б. Васильева, А. Иванова, Д. Гранина, В. Сорокина, А. Волоса, В. Пелевина, Б. Акунина, Хольма Ван Зайчика (В. Рыбакова, И. Алимова), А. Баренберга и А. Шевцова, а также характеристика форм репрезентации этих концепций.

Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих **задач**:

1. Выделить основные этапы развития философии истории в России XI – XXI веков. Охарактеризовать современное состояние историко-философского дискурса.

2. Определить содержание понятия *концепция истории*, выделить ее основные составляющие и типологические черты художественных концепций истории.

3. Рассмотреть основные этапы развития художественно-исторического дискурса в России. Определить основные формы художественной репрезентации концепций истории, сформировавшиеся в литературе к началу XXI века.

4. Выявить специфику творческой установки и охарактеризовать концепции истории Б. Васильева, А. Иванова и Д. Гранина.

5. Оценить жанровую новизну романов «Князь Святослав», «Сердце Пармы» и «Вечера с Петром Великим», исследовать специфику художественных средств репрезентации концепций истории.

6. Рассмотреть состояние утопического и антиутопического дискурса рубежа XX-XXI вв., проанализировать исторические концепции В. Сорокина, А. Волося и В. Пелевина.

7. Выявить жанровую специфику дилогии «День опричника», «Сахарный Кремль», романов «Маскавская Мекка», «S.N.U.F.F.», особенности художественных средств репрезентации концепций истории.

8. Охарактеризовать современное состояние массового исторического сознания, исследовать исторические концепции Б. Акунина, В. Рыбакова, А. Шевцова и А. Баренберга.

9. Проанализировать ретро-детективы «Приключения Эраста Фандорина», историко-фантастические романы цикла «Евразийская симфония», а также «Первым делом самолеты» и «Мы из будущего», определить жанровую природу ретро-детектива и историко-фантастического романа, а также художественные средства репрезентации концепций истории.

Теоретической базой исследования являются работы М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, А. П. Скафтымова, Б. А. Успенского, в которых разработаны философско-методологические принципы исследования художественных произведений, а также В. В. Кожина, С. И. Кормилова, Б. А. Ланина, Г. В. Макаровской, А. Ю. Сорочана, Н. М. Щедриной, раскрывших теоретические проблемы литературного историзма. Исследование структуры и принципов функционирования концепции истории опирается на труды М. А. Барга, И. С. Кона, Ю. А. Левады, А. Я. Гуревича, объектом исследования в которых является содержание и соотношение общественного исторического и индивидуального исторического сознаний.

Оценка современных концепций истории основана на работах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Павленко, Д. М. Володихина, Н. В. Загладина, Е. А. Мельниковой, М. И. Мельтюхова, О. А. Ржешевского, А. О. Чубарьяна и др. Исследования культурологов, социологов и политологов Б. Д. Гудкова, Е. А. Добренко, Б. А. Дубина, Л. Г. Фишмана, К. Г. Фрумкина и др. характеризуют современное состояние общественного сознания.

Методология исследования опирается на труды М. М. Бахтина, разработавшего принципы анализа хронотопа⁹, Ю. М. Лотмана, в работах которого большое место занимают изучение исторического сознания отдельных периодов¹⁰, анализ сюжета и системы персонажей¹¹. В «Античной философии истории» А. Ф. Лосева выявлены основные категории философии истории¹². Д. С. Лихачевым разработаны принципы изучения внутреннего мира художественного исторического произведения и методика анализа концептуальной составляющей древнерусской литературы¹³. В. В. Кожин сформулировал основные принципы художественного историзма. Характеристика модели времени как необходимой составляющей концепции истории, а также описание христианской концепции истории представлены в «Семиотике истории» Б. А. Успенского¹⁴. С. И. Кормилов выделил наиболее значимые жанровые признаки исторической прозы¹⁵, а Б. А. Ланин – актуальные черты современной антиутопии¹⁶. В работе А. Ю. Сорочана рассмотрены наиболее продуктивные формы репрезентации исторического материала в русской литературе XIX века¹⁷.

⁹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

¹⁰ Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX века // Ю. М. Лотман. О русской литературе. СПб., 1997. С. 284–291.

¹¹ Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Ю. М. Лотман. О русской литературе. СПб., 1997. С. 712–729.

¹² Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. 207 с.

¹³ Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87; Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI – XVII вв. М., Л., 1945. 121 с.

¹⁴ Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. 608 с.

¹⁵ Кормилов С. И. Теоретические аспекты художественного историзма // Проблема историзма в русской советской литературе. 60–80-е годы: сборник научных трудов. М., 1986. С. 67–97.

¹⁶ Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в: дисс... доктора филол. наук. М., 1993. 350 с.

¹⁷ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской литературе XIX века. Тверь, 2015. 448 с.

Наиболее полно методика анализа художественных концепций истории разработана в статье А. П. Скафтымова «Образ Кутузова в романе Л. Толстого "Война и мир"», где основополагающими принципами исследования стали анализ социокультурного контекста, а также стремление постичь всю полноту авторского замысла¹⁸.

В основу работы положены историко-типологический, историко-функциональный и структурно-семиотический методы исследования.

В ходе исследования был произведен типологический анализ исследуемых произведений, рассмотрены точки зрения и оценки литературоведов и критиков, мнения читателей, а также высказывания самих авторов. Была произведена типологическая характеристика художественных средств и форм репрезентации историко-философских концепций, используемых писателями.

Историко-функциональный анализ позволил выявить наиболее актуальные для общественного сознания темы и проблемы, представленные в содержании каждого произведения, а также наиболее существенные художественные особенности. Были рассмотрены основные точки зрения на характер описанных исторических событий и оценки этих проблем, существующие в актуальном историко-культурном дискурсе.

В ходе структурно-семиотического анализа текстов были рассмотрены авторские отступления, высказывания героев произведения, сюжетные конфликты, фабула, система персонажей и пространственно-временная организация художественного мира.

Практическое значение полученных результатов работы состоит в возможности их использования в процессе анализа современных произведений, оценки их места в рамках историко-литературного дискурса, а также в преподавании историко-литературных курсов, посвященных новейшей русской литературе. Характеристики исторических концепций представляют интерес для исследователей творчества Б. Васильева, А. Иванова, Д. Гранина, В. Сорокина, А. Волоса, В. Пелевина, Б. Акунина и В. Рыбакова. Результаты анализа историко-беллетристических произведений востребованы специалистами социологических, политологических и других социальных наук в ходе изучения массового общественного сознания.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Формирование историко-философских концепций XIX-XX веков происходило в русле одновременного развития монистического взгляда на ис-

¹⁸ Прозоров В. В. Александр Павлович Скафтымов – исследователь русской словесности // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения / Сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов. М., 2007. С. 18.

торический процесс (Г. Гегель, Н. М. Карамзин, П. Я. Чаадаев, С. М. Соловьев, К. Маркс, Ф. Энгельс, Вл. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский и др.) и цивилизационного подхода (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби). В историческом сознании России XIX века их конфликт происходил в формате спора «западников и славянофилов», в начале XXI века эволюция монистического и цивилизационного подхода продолжается в рамках синтеза и борьбы глобалистского (либерального) и антиглобалистского (традиционалистского) направлений общественной мысли. Общественное историческое сознание начала XXI века характеризуется конъюнктурной актуализацией исторического дискурса, обусловленное процессом поиска самоидентификации и путей модернизации российского общества.

2. Художественная концепция истории является идейно-философской основой содержания, тесно связанной с художественной формой произведения, формируется в рамках актуального исторического дискурса в соответствии с актуальной для автора оценкой настоящего. Концепция истории включает в себя модель времени (линейную или циклическую), образ будущего, представление о целях (смысле) истории, движущих и направляющих силах, а также оценку роли личности в историческом процессе.

3. В процессе развития русской литературы было выработано большое количество форм репрезентации истории. В начале XXI века наиболее репрезентативными и актуальными стали *художественно-историческая, историософская, антиутопическая* и *историко-беллетристическая* формы художественной репрезентации концепций истории.

4. Ведущей в *исторических романах* «Князь Святослав» Б. Васильева, «Сердце Пармы» А. Иванова и «Вечера с Петром Великим» Д. Гранина является тема политогенеза российского государства, в оценке которого на первое место выходят проблемы нравственно-философские и психологические. Историческим концепциям Б. Васильева, А. Иванова и Д. Гранина свойственны представления о линейном прогрессивном характере исторического процесса, определяющей роли личности в истории и о принципиальной вариативности исторического процесса.

5. Романы «Князь Святослав» Б. Васильева, «Сердце Пармы» А. Иванова и «Вечера с Петром Великим» Д. Гранина представляют собой новый этап развития жанра исторического романа, в котором авторы осуществляют моделирование исторического процесса, вследствие чего отказываются от установки на объективную реконструкцию прошлого и предпочитают такие формы художе-

ственной репрезентации, как беллетризация сюжета и активное использование элементов фантастики.

6. Содержание *современных антиутопий* отражает разочарование результатами произошедших в мире перемен. Ведущей проблемой, положенной в основу художественных концепций истории, стал поиск новой национальной идеи, противопоставленной актуальному проекту глобализации, который оценивается как тупиковый вариант развития человечества. В. Сорокин, А. Волос и В. Пелевин рассматривают исторический процесс как циклическое повторение социальных катастроф и представляют его в виде устойчиво повторяющейся исторической травмы.

7. Эволюция жанра антиутопии в XXI веке привела к созданию *дистопий* (антиутопий «ближнего прицела»), художественный мир которых основан на сатирическом переосмыслении реалий современной политической жизни. Основной формой репрезентации концепций истории служит художественная объективация популярных мифологем массового сознания, изображение стагнации уже существующих социальных конфликтов и описание пограничных состояний человеческой психики.

8. *Историческая беллетристика* начала XXI отражает состояние массового исторического сознания, для которого характерны интерес к проблеме особого пути России и национального характера и в то же время отказ от социального эксперимента и установка на догоняющую модернизацию. В центре художественного мира ретро-детективов Б. Акунина и историко-фантастических романов Х. Ван Зайчика (В. Рыбакова, И. Алимова), А. Шевцова и А. Баренберга лежат утопические образцы вариантов развития истории России, а также идеальный герой, способный их реализовать.

9. Ведущими типами современной исторической беллетристики стали ретро-детектив и историко-фантастический роман. Основной формой репрезентации концепций истории Б. Акунина, В. Рыбакова, А. Шевцова и А. Баренберга стало контрфактическое моделирование, с помощью которых реализуются мифологизированные версии российской истории, репрезентированные в форме остросюжетного повествования.

Апробация работы: результаты исследования были представлены на научных конференциях: «А.И. Солженицын в русской культуре» (Саратов, 2008), «Образ России в отечественной литературе» (Ульяновск, 2009), «Итоги литературного десятилетия» (Москва, 2011), «Проблемы взаимодействия эстетических систем реализма и модернизма» (Ульяновск, 2007, 2009, 2011, 2013), «Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный

симпозиум» (Москва, 2012), «Модели мироздания и трагическая судьба русской литературы XIX – нач. XXI вв.» (Ульяновск, 2012), «Настоящее как сюжет» (Тверь, 2013), «Будущее как сюжет» (Тверь, 2014), «Литература и культура в контексте Христианства. Образы, архетипы, мотивы» (Ульяновск, 2014), «Родное и вселенское: Образы местности, трансгрессии и гетеротопии в русской и мировой литературе» (Ульяновск, 2015), «Вечность как сюжет» (Тверь, 2015), «Мгновение как сюжет» (Тверь, 2016), «Безвременье как сюжет» (Тверь, 2017), «Юность как сюжет» (Тверь, 2018).

Основное содержание диссертационной работы было опубликовано в монографиях «Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа» (Ульяновск, 2008), «Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века» (Ульяновск, 2015), главе в коллективной монографии «Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков» (Москва, 2011), а также 15 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы определяется поставленными целями и спецификой материала исследования. Диссертация «Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала XXI века» содержит Введение, четыре главы, каждая из которых делится на параграфы, посвященные творчеству отдельных авторов, и Заключение.

Введение содержит общую постановку проблемы и определение структуры и функций общественного исторического и авторского художественного исторического сознаний, характеризует принципы их взаимодействия. Выявлены механизмы взаимодействия историко-философской и художественной составляющей исторического сознания в процессе создания литературного произведения. Дано обоснование актуальности работы, оценка научной новизны избранной темы, определена теоретико-методологическая база работы, формулируются цели и задачи исследования, проанализирован корпус литературоведческих, историко-философских, социологических и политологических работ, посвященных исследуемой проблеме, представлены положения, выносимые на защиту, систематизированы результаты апробации научных результатов работы, оценивается теоретическая и практическая значимость итогов диссертации, описывается её структура.

Глава первая **«Формирование художественных концепций истории и актуальные формы их репрезентации»** состоит из трех параграфов. В параграфе первом **«Эволюция философии истории в России XI – XXI веков»** рассматривается процесс формирования национального сознания, выделены клю-

чевые проблемные вопросы и этапы осмысления национальной и мировой истории.

Вопросы истории были значимой составляющей государственной идеологии Русского государства. Проблема идентичности Руси, а также идея ее целостности, нашли отражение в первых памятниках русской письменности. В основу национальной идеологии были положены факт крещения Руси и легенда о «призвании Рюриковичей» как основателей правящей династии.

Следующей значимой вехой в процессе идеологического становления Русского государства стала концепция «Москва – Третий Рим», которая ввела в общественное сознание представление о мессианской роли России, а также сформировала новое теократическое понимание государственной власти. Отзвуки этой концепции нашли отражение в деятельности Петра Великого¹⁹. В XVIII веке наиболее актуальными вопросами стали история российского политогенеза и оценка роли Петра Великого. Историками вновь была актуализирована легенда о «призвании варягов», на основе которой возникла «норманнская теория» политогенеза. Н. М. Карамзин положил ее в основу своей концепции истории, рассматривая факт «призвания варягов» как доказательство легитимности самодержавия и его ведущей роли в истории России.

Дальнейшая эволюция русской философии истории продолжалась в процессе активного диалога с западной философией истории. Наиболее заметное влияние на развитие русской мысли оказали такие философы, как Г. Гегель, О. Конт и Г. Спенсер, К. Маркс и Ф. Энгельс, а также О. Шпенглер и А. Тойнби. В XIX веке в исторической науке сформировались два основных подхода к изучению истории: *монистический*, который исходит из идеи общности различных культур и нацелен на поиск *первоначала* исторического процесса, и *цивилизационный*, в рамках которого история рассматривается как совокупность самостоятельных *цивилизаций*.

В России мысль о принципиальной разности России и Европы, а также идею о промежуточном положении России сформулировал П. Я. Чаадаев. Ответ на вопрос: «является ли Россия частью Европы, или у нее свой, особый путь?» – формировал базовую оппозицию спора западников со славянофилами.

В настоящее время монистический подход к истории представлен в книге «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы, который утверждает, что ход исторического прогресса определяется экономическими и социальными по-

¹⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Великого // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236–250.

требностям человека, поэтому окончательная победа либеральной демократии является конечной точкой социокультурной эволюции.

Альтернативной точкой зрения стали цивилизационные концепции А. Тойнби и С. Хантингтона, настаивающих на принципиальной разности отдельных цивилизаций. В современной России альтернатива идее глобализации представлена в концепции *евразийства*, которое подразумевает антизападнические и антимодернистские настроения, а также позитивное восприятие советского наследия.

Второй параграф **«Концепция истории, ее структура и типологические составляющие»** содержит определение концепции истории, ее субъекта, объекта, а также характеристику отдельных составляющих. *Концепция истории* в данной работе рассматривается как результат понимания и постижения смыслов в ходе обсуждения исторического процесса и подход к его интерпретации. В ее основе лежат модель времени, образ будущего, представление о целях и смысле истории, движущих и направляющих ее силах.

В понимании прошлого выделяют космологическую и историческую модели времени, которые строятся на наглядных образах круга или линии. Космологическая (циклическая) модель представляет прошлое в виде конкретных событий, а будущее воспринимается как исполнение предсказанного провиденциального плана: «<...> если время циклично, прошлое и будущее предполагаются существующими. Это означает, что прошлое не уходит вовсе, но повторяется <...> настоящее, стремясь к будущему, периодически возвращается к прошлому <...>»²⁰. Такое понимание истории предполагает соотнесение событий с каким-то первоначальным, исходным состоянием, зафиксированным в мифе, оно преобладало в культурах древности и Средневековья.

Историческая (линейная) модель более характерна для научного мышления, она «<...> организует события прошлого в причинно-следственный ряд. События прошлого последовательно предстают при этом как результат каких-то других, относительно более ранних событий <...>»²¹. Для исторической (линейной) модели времени центральной является идея развития, она ориентирована от прошлого к будущему, при этом отдельные моменты истории представляются чем-то небывалым и уникальным.

Историческая и космологическая модели по-разному решают вопросы об историческом статусе событий (значимые – незначимые, случайные – закономерные и т. д.) и движущих силах общественного развития. В исторической

²⁰ Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 42.

²¹ Там же. С. 26.

преобладают поиск причин, анализ закономерностей и прогноз последствий, а в космологической – прозрение скрытых метафизических сущностей, интуиция и предсказание будущего.

Опираясь на эти модели времени, историческое сознание формирует картину мира, оценку прошлого и отношение к нему. Критерием такой оценки становится отношение к настоящему: если оно положительно – прошлое рассматривается как правильно и закономерно развивающееся. Если же настоящее оценивается негативно – начинается поиск момента «порчи», выявление ее причин и конкретных виновников.

Оценка исторического процесса невозможна без понимания *целей (смысла) исторического процесса*, поиском которых занимается *телеология*, учение о цели и целесообразности. Телеология является *антропоцентрической*, если она полагает, что все существует для человека; *метафизической*, если исходит из конечной цели, господствующей над всем мировым процессом; *трансцендентная телеология* признает наличие потустороннего целеполагающего существа, находящегося вне мира.

Разница между видами телеологии проявляется, в частности, в понимании принципов детерминированности исторического процесса. В рамках антропоцентрического подхода события определяются желаниями и поступками отдельных людей (исторических лиц, прежде всего), метафизический подход предполагает реализацию внутренних закономерностей жизни общества, *законов истории*, а трансцендентный допускает прямое вмешательство высших сил в ход событий.

Другим важным элементом концепции истории является *образ будущего*. В космологической концепции будущее рассматривается как неизбежное осуществление предсказанной гибели мира. Идея линейного движения исторического процесса ставит закономерный вопрос о выборе правильного пути развития и предполагает возможность ошибки, поэтому будущее может быть представлено как вырождение и конечная гибель или как непрерывное восхождение от начального несовершенства к будущему благу.

Концепция истории включает также представление о *силах, движущих и направляющих* исторический процесс. В их понимании также сложилось два подхода: историософский и научный. Первый базируется на космологическом типе сознания и предполагает наличие в мире трансцендентных провиденциальных сил, направляющих и движущих историю извне. Историософское мышление нацелено на поиск в истории тайны, подлинного смысла, сокрытого за эмпирическим покровом событий.

Научный подход представляет историю как процесс, целью и смыслом которого видится самореализация тенденций, заложенных в самой природе человека и общества: классовой борьбы, научно-технического и культурного прогресса и пр. Это привело к возникновению антропологического принципа, который рассматривает человека в качестве обновляющего начала истории. История в данном случае понимается как результат активности действующего в истории субъекта.

Ключевыми вопросами, актуальными для всех концепций истории, становятся проблемы роли личности в истории, вариативности или безальтернативности хода истории, общности или уникальности исторического процесса для разных типов культур и государств (например, идея «особого пути России»).

В третьем параграфе «**Формы художественной репрезентации истории в русской литературе XIX-XXI вв.**» были рассмотрены формы художественной репрезентации, которые складывались постепенно по мере развития исторического сознания и литературы как вида искусства. К началу XXI века в художественно-историческом дискурсе выделились *художественно-историческая, историософская, антиутопическая и историко-беллетристическая* формы художественной репрезентации.

Первая из них, *художественно-историческая*, начала складываться еще в античную эпоху. В основе этой формы репрезентации лежит принцип реконструкции событий отдаленного прошлого путем творческого переосмысления первичного исторического материала: исторических документов, мемуаров, фольклорных текстов, а также результатов научных исследований. В тексте реализуется установка на изображение прошлого и настоящего как самоценных отдельных эпох и установление их причинно-следственных связей. Писатели использовали языковую стилизацию, стремились к верному изображению нравов, домашнего быта, местности, особенностей природы с целью достижения исторической, психологической и бытовой достоверности и понимания особенностей эпохи. Ведущими сюжетными моделями исторического романа стали историко-приключенческий и биографический романы.

Для исторического романа главными жанровыми критериями являются *историзм*, понимаемый как установка на концептуальное осмысление исторического процесса; *тема*, обращенная в прошлое; *отдаленность* изображаемой эпохи; *историчность*, отображение исторических событий и деятелей, но не обязательно в качестве главных героев; *собственно-историческая проблематика*, подчеркнутый интерес художника именно к данным историческим лицам и событиям²².

²² Кормилов С. И. Современный словарь-справочник по литературе. М., 1999. С. 209.

Другой востребованной формой репрезентации истории стала *историософия* как особое направление философии истории, претендующее на целостное познание исторического процесса, раскрытия в нем первоначал бытия и поиск высшего смысла. Историософия изначально телеологична и направлена на поиск трансцендентных сил, обуславливающих исторический процесс. Историософский роман представляет собой особый жанр, в котором активное вторжение нехудожественных дискурсов в романную структуру приводит к ее идеологизации и историзации²³.

Эффективной формой репрезентации исторических концепций в художественной литературе стала *антиутопия*. Она основана на принципах *утопического мышления*, которое моделирует идеальный образ мира и порождает специфическую философию истории «<...> для которой характерны метафизичность, финализм, телеологизм и разрыв преемственности <...>»²⁴. Литературная утопия не имела общих точек соприкосновения с исторической прозой, но современная антиутопия, напротив, в значительной мере ориентирована на переоценку негативных тенденций прошлого.

В создании утопий и антиутопий ведущую роль играет *фантастика*, как способность человека моделировать несуществующие в реальности объекты и явления. Для антиутопии характерно отражение негативных тенденций настоящего в образе будущего, а также обращение авторов к поиску ошибок в прошлом, которые привели к негативному состоянию мира. Стремление к переосмыслению настоящего и будущего в рамках антиутопического дискурса стало чрезвычайно популярным в литературе рубежа XX-XXI веков.

Историко-беллетристическая форма репрезентации истории также основана на принципах *фантастического* осмысления реальности. На основе различных типов фантастических посылок были созданы ретро-детектив, криптоисторический и альтернативно-исторический романы. Одной из функций исторической беллетристики в настоящее время является поиск новой идеологии, ориентированной на конструктивное и по возможности скорое решение актуальных социальных противоречий, поэтому в ней репрезентируется востребованная и упрощенная концепция истории, создаваемая с помощью *конспирологического* и *контрфактического* принципов мышления.

²³ Дронова Т. И Категория жанра в современном литературоведении (к проблеме идентификации историософского романа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 54.

²⁴ Иванюшина И. Ю. Утопическое сознание в русской литературе первой трети XX века. Саратов, 1996. С. 6.

Конспирологическое мышление рассматривает историю в рамках *теории заговора*. Художественная конспирология исходит из представления о том, что все происходящее в мире имеет тайный смысл и производится на логически обоснованных основаниях²⁵. В процессе конструкции своего художественно-фантастического мира криптоисторики представляют вселенную как компактную упрощенную реальность, как целостную систему, свободно управляемую с помощью магического обряда, технического средства или целенаправленной интриги. Авторы, работающие в рамках традиционной теории заговора, создают ретро-детективы, объясняющие скрытые причины исторических событий действиями тайных обществ²⁶.

Контрфактические исторические исследования представляют собой междисциплинарное направление науки, в рамках которого рассматриваются возможности или вероятности иного течения исторических событий. Альтернативная история как жанр беллетристики моделирует события, которые произошли иначе, чем в известной истории, и повлекли за собой цепочку последовательных изменений, которые в сумме породили новую реальность. Как правило, таким событием становится случайный или целенаправленный поступок какого-либо лица (не обязательно исторического).

Исторические концепции и сюжетная структура в историко-беллетристических произведениях взаимообусловлены. Конспирология и описание альтернативных моделей как метод объяснения истории определяют наличие приключенческой или детективной составляющей сюжета. Обязательная установка на остросюжетность и увлекательность заставляют авторов упрощать картину мира. Исторический процесс в их произведениях становится вариативным и управляемым. Политические и социальные конфликты переводятся в разряд личных, что влечет за собой их обязательную персонификацию, появление могущественного антагониста и, таким образом, определяют высокую роль личности в истории. Герой ретро-детектива или историко-фантастического романа наделяется сверхчеловеческими способностями, которые и позволяют ему выполнить взятую на себя миссию. Такое понимание исторического процесса возможно только в рамках мифологизированного исторического сознания, которое в исторической беллетристике преобладает.

Предложенная типология не может отразить всего многообразия форм художественной репрезентации авторских концепций истории, сформировавших-

²⁵ См.: Дугин А. Конспирология [Электронный ресурс] URL: <http://www.arcto.ru/article/166> (дата обращения 19.01.2017)

²⁶ Петухова Е., Черный И. Современный русский историко-фантастический роман. М., 2003. С. 46.

ся в русской литературе XXI века, так как современные авторы активно применяют синтетический подход к их использованию.

В главе второй **«История и личность в современном историческом романе»** исследованы концепции истории, представленные Б. Васильевым, А. Ивановым и Д. Граниным. Параграф первый **«"Норманнская теория" российского политогенеза и проблема личности государственного деятеля в романе Б. Васильева "Князь Святослав"»** включает два раздела, первом из которых стал раздел **«Художественные принципы творчества Б. Васильева» (2.1.1)**

В советской литературе этот писатель дебютировал повестями на военную тему, затем обратился к исследованию проблем современного ему общества и судьбы своего поколения. Исследователи отмечают в его творчестве акцент на философско-нравственной проблематике и повышенный интерес к внутренней психологической жизни своих героев. Эти же проблемы стали ведущими и в его исторических произведениях, первым из которых стал роман «Были и небыли», повествующий об участии двух прадедов автора в Русско-турецкой войне. Роман открывает цикл «История рода Олексиных», описывающем жизнь России от пушкинских времен до середины XX века.

В XXI веке Б. Васильев расширил тематику своих произведений, создав серию «Романы о Древней Руси», в которой представлена героическая эпоха становления Русского государства. Опираясь на неполные и противоречивые исторические данные, Б. Васильев создал оригинальную художественную версию российского политогенеза. Спор о национальной принадлежности варягов он решил в пользу их норманнского происхождения. Описание славянского мира в его произведениях весьма субъективно и содержит множество анахронизмов. Автор сохранил основную событийную канву, изложенную в летописях, и перечень исторических лиц, но дополнил систему персонажей такими легендарными личностями, как князь Вадим и Соловей Разбойник.

По мысли Б. Васильева, создание Киевской Руси стало возможным только благодаря долгой и целенаправленной подготовке, а успешный результат не был объективно закономерным. Здесь в концепции автора ясно проявляется мысль о возможной альтернативности исторического процесса. Вследствие этого на первый план в историческом цикле «Романы о Древней Руси» выходит образ правителя, обладающего подлинно государственным мышлением, а главным стимулом политогенеза становится фактор организационный, представленный как воля подлинного правителя.

Наиболее полное воплощение эта идея нашла в романе «Князь Святослав». Его анализу посвящен второй раздел данного параграфа «**Долг, свобода воли и образ истинного правителя в романе Б. Васильева "Князь Святослав"**» (2.1.2). В основе идейного конфликта этого романа лежит нравственное противоречие между стремлением Святослава к захвату новых территорий и долгом правителя, обязанного, прежде всего, защищать собственную землю. В романе представлена новая версия биографии Святослава, по которой его отцом стал соправитель княгини Ольги воевода Свенельд, причем именно родной отец в финале и организовал засаду на днепровских порогах, которую историки традиционно приписывают византийцам.

Анализ текста позволяет утверждать, что это решение дало автору возможность обострить конфликты и предложить новую убедительную версию деятельности Святослава, который предпочел образ жизни князя-завоевателя, вождя дружины вследствие конфликта с матерью и ее окружением. Его хрестоматийно известные воинственность, аскетизм и жестокость мотивированы психологически.

Оригинальность романа Б. Васильева заключается не только в скандально-эпатирующей трактовке событий и оценке исторических лиц. Принципы отражения прошлого в его исторических романах заметно отличаются от сложившейся литературной традиции. Так, автор уделяет минимальное внимание описаниям быта, нравов, образа жизни, местности, культурологическим и религиозным аспектам. В романе прослеживается пренебрежение пространственно-временными характеристиками, автор создает хронотоп, характерный не для исторического романа, а скорее для средневекового героического эпоса.

При этом общая концепция развития общества в романе основана на идее экономической детерминированности социальных процессов, а его оценка событий вполне соответствует общепринятому со времен Н. М. Карамзина мнению о прогрессивности киевских князей как основателей централизованного русского государства.

Наиболее существенным отличием концепции истории Б. Васильева следует считать заметное повышение роли личности в истории. В конечном итоге, историческая концепция Б. Л. Васильева более всего созвучна исторической концепции Л. Н. Толстого, в рамках которой скрытая целесообразность истории осуществляется через сложение многих субъективных волевых поступков людей, стремящихся к достижению собственных целей.

Второй параграф озаглавлен **«Сакрализация истории в романе А. Иванова "Сердце Пармы"»**. В этом произведении концепция истории репрезентирована специфическими художественными средствами, поэтому первым этапом анализа стало определение жанра романа, осуществленное в разделе **«Жанровая специфика романа "Сердце Пармы"» (2.2.1)**. Критики и читатели определяют его жанр очень по-разному: исторический роман с элементами фэнтези, историческое фэнтези, мифопоэтический роман и пр. В данной работе исследуемое произведение рассматривается как роман исторический, хотя и осложненный элементами фантастики.

К такому выводу, в частности, приводит анализ фактической составляющей содержания. В основу сюжета положены реальные исторические события, процесс колонизации пермских земель в эпоху Ивана III, который описан в «Вычегодско-вымской летописи», а также в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В числе героев романа представлены известные исторические лица: великий князь Иван III, пермский князь Михаил, московский воевода Федор Пестрый, а также вогульский (мансийский) хакан Асыка и др.

Эта страница российской истории мало исследована и пестрит «белыми пятнами», поэтому краевед и патриот Уральского региона А. Иванов активно использовал метод реконструкции, сознательно допустив при этом некоторое количество анахронизмов. В изображении процесса колонизации Перми на первый план вышла очень актуальная для настоящего времени проблема государственно-национальная. Автор решает ее в рамках концепции «Москва – III Рим», на которую опирается в своей экспансивной политике великий московский князь Иван III. А. Иванов идеи «Третьего Рима» не разделяет, поэтому в его изображении «московский выбор», сделанный в конечном итоге пермяками, представляется вынужденным. Большинство критиков оценивают экспансию московской Руси, изображенную в романе, не как защиту и объединение, а как захват и поглощение.

Этот аспект содержания «Сердца Пармы» подробно исследован в разделе **«Этнорелигиозная интерпретация истории А. Иванова» (2.2.2)**. Анализ сюжета, системы персонажей и хронотопа романа позволяет выявить наличие элементов фантастики в произведении, где, кроме реальных исторических лиц, присутствуют бессмертный вогульский хакан Асыка (т. н. «хумляльт»), человек, посвятивший свою жизнь служению богине Сорни-Най, более известной как Золотая Баба, и войне с русским миром. Большую роль в сюжете играют другой «хумляльт» Калина, побратим Асыки, и жена князя Михаила ламия-оборотень Тиче, также посвященная Золотой Бабе.

В итоге этот идол присутствует в сюжете не просто как ценный артефакт или священная реликвия, которой приносят человеческие жертвы, а как трансцендентная сила, как воплощение души Пармы. Мир Пармы в изображении А. Иванова представляет собой не тип ландшафта или географическое пространство, а отдельную цивилизацию, имеющую собственную ментальность. На создание образа Пармы нацелены все поэтические средства, использованные автором: элементы фантастики, пространственные описания, специфический язык, переполненный многочисленными этнонимами и топонимами, а также обильное включение фольклорного материала.

Сопоставление двух принципиально различных художественных методов: изображения мира Пармы преимущественно образно-фантастическими художественными средствами и объективного описания остального мира, их исходно разная концептуальная природа (мифологическая и историческая) – приводит к выводу, что специфика художественного историзма Алексея Иванова заключается в преобладании цивилизационного подхода к интерпретации исторического процесса. Он изображает столкновение двух равноценных цивилизаций, а трагический пафос, которым пронизано повествование, обусловлен необратимостью гибели неповторимой культуры Пармы. Оригинальность этой точки зрения заключается даже не в том, что автор явно симпатизирует пермякам, а в том, что этот образ будущего он оценивает не как потомок (с большой временной дистанции, с оценкой положительных и негативных последствий), а как современник событий, которого волнует, прежде всего, этический аспект, находящий выражение в описаниях многочисленных сцен массовых кровопролитий.

В его изображении исторический процесс уже не выглядит изначально детерминированным политической необходимостью, логикой экономического развития и другими объективными факторами. В истории А. Иванова присутствует элемент неопределенности, возможность альтернативы, что заставляет читателя вновь пережить прошедшее как происходящее впервые и не имеющее заранее обусловленного финала.

Третий параграф **«Гений и история в романе Д. А. Гранина "Вечера с Петром Великим"»** посвящен анализу художественной концепции Д. Гранина. В разделе **«Художественные принципы творчества Д. Гранина и структура романа "Вечера с Петром Великим"» (2.3.1)** выявлены творческая интенция автора и рассмотрена структура произведения.

Исследователи творчества Д. Гранина отмечают такие ведущие принципы его поэтики как субъективность описания и трактовки исторических событий, а также стремление к исследованию вечных этических проблем, механизма со-

вершения нравственного выбора героев, которое он осуществляет, опираясь на документальный и биографический материал. Писатель стремится воссоздать процесс интеллектуального поиска, поэтому моделирование процесса размышлений становится основой сюжета в его произведениях.

Оригинальность гранинской философии истории определяется его представлением о смысле истории и роли личности в ней. Писатель верит в прогресс, который понимается им, прежде всего, как развитие культуры. Этот процесс направляется внутренним стремлением к творчеству. Наиболее полно творческий потенциал проявляется в *гениях*, которые становятся главным оружием прогресса. Такая установка сближает позицию Д. Гранина с теорией «пассионарности» Л. Гумилева. Эта концепция и художественные принципы были положены в основу его романа «Вечера с Петром Великим (Сообщения и свидетельства господина М.)».

Петр I – знаковая фигура в русской истории. Хрестоматийная известность рассматриваемого материала и наличие ясно сформулированных точек зрения на него позволили автору отказаться от пересказа общеизвестных фактов и сосредоточить внимание на их обсуждении, то есть создать художественную модель «петровского дискурса». Фактологической основой романа послужил сборник немецкого профессора Якоба Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом», содержание которых стало материалом для дискуссии. Роман Д. Гранина имеет определенную полемическую направленность: через посредство рассказчика Молочкова автор последовательно разоблачает некоторые хрестоматийно известные мифы, такие как миф о «царе-плотнике», о «петровской дубинке», приводит малоизвестные факты, раскрывающие характер царя-реформатора с положительной стороны.

В разделе **«Проблема "гениальности и злодейства" в художественной философии Д. Гранина» (2.3.2)** проанализированы авторская концепция личности Петра и средства ее репрезентации. Гранинская оценка личности Петра указана уже в заглавии произведения «Вечера с Петром Великим». В итоге автор предлагает читателю еще один мифологизированный образ великого государя-демиурга, принимая, таким образом, оценку, данную С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским.

В «сообщениях» Молочкова последовательно рассматривается образ жизни Петра, его привычки, отношения с окружающими, понимание роли государя, уточняется его роль в гибели царевича Алексея, описывается трагическая история гибели младшего наследника. Д. Гранин стремится показать Петра как человека, не лишённого нормальных человеческих слабостей, страстей и увлече-

ний, представляет Петра читателю как творческую яркую личность, как «великана», которого не могут оценить современники, как идеолога и творца петровских реформ.

Автор не обходит вниманием отмеченную А. С. Пушкиным «разность» в образе действий и личности императора. Он показывает не только примеры великодушия и государственной мудрости, но и тщеславие Петра, его нетерпимость, деспотизм, грубость. Одержимость реформатора, его служение идее Отчизны представлено не только как подвиг, но и как искушение. Таким образом, проблема вновь выходит за конкретно-исторические рамки, это спор не только о Петре, но в большей степени о нравственно-этическом выборе человека вообще: допустимо ли насилие для достижения благих целей?

В тексте романа автор проводит мысль о недопустимости произвола и насилия, поэтому по его версии жизнь Петра закончилась трагически. Предательство Алексея, измену Екатерины, несчастную любовь Петра к Марии Кантемир Д. Гранин представляет как трагедию человека, вынужденного принести личные отношения в жертву служению Отчизне. Остро осознаваемое одиночество стало наказанием Петру за совершенные ошибки. Мучительная смерть Петра выглядит в романе как закономерная расплата за бескорыстное, самоотверженное, но и деспотичное по отношению к другим служение высокой идее. Гений и Злодейство, по версии Д. Гранина, совместимы, при этом ответственность гения за свои поступки несоизмеримо выше.

В исследованных исторических романах, несмотря на разные подходы к изображению исторического процесса, присутствуют общие типологические черты. Сюжеты, созданные Б. Васильевым, Д. Граниным и А. Ивановым, моделируют ситуации испытания для героев. Авторы в первую очередь интересуют явления психологические (мотивация героев) и метафизические (столкновение национальных менталитетов, культурных стереотипов и политических интересов). В качестве силы, движущей исторический процесс, представлена сознательная и целенаправленная деятельность каждого отдельного человека, а ее результат (историческое событие) понимается как суммарная равнодействующая столкновений различных интересов и поступков.

Целью российской истории, представленной в этих произведениях, является создание централизованного Российского государства, а образ будущего ориентирован на ее достижение. Современные авторы считают результат такого развития закономерным, но не единственно возможным и допускают варианты альтернативного развития событий.

Глава третья «**Судьба России в антиутопиях XXI века**» посвящена исследованию произведений, созданных В. Сорокиным, А. Волосом и В. Пелевиным. В параграфе первом «**Идея исторической травмы и ее художественное воплощение в диалогии В. Сорокина "День опричника" и "Сахарный Кремль"**» проанализированы концепция истории В. Сорокина и художественные средства ее репрезентации. В разделе «**"Метафизика России" и мифологема Опричнины**» (3.1.1) рассмотрены взгляды автора на «метафизику» русской истории, художественная роль мифологемы Опричнины, а также условия поставленного им «мысленного эксперимента».

Исследуемая диалогия стала закономерным этапом творческой эволюции В. Сорокина. Критики отмечают, что главным содержанием его произведений является художественная рефлексия проблемы онтологии зла и насилия, тесно связанного с ней вопроса о природе Человека, а также феномена тоталитаризма. В «Дне опричника» и «Сахарном Кремле» автор вновь обращается к этим темам. Здесь злободневная проблематика сочетается с глубоким проникновением в тайны российской истории и национального менталитета. Объектом изображения в этих произведениях стало близкое будущее: монархическая тоталитарная Россия 2027 года, отгороженная от остального мира Великой Русской Стеной.

Таким образом, В. Сорокин художественно реализует идеологический тренд изоляционизма, как одну из версий «особого пути России», а результатом этого мысленного эксперимента становится погружение России в прошлое, представленное как реставрация феодальных отношений на базе высоких технологий XXI века. При этом новая монархическая Россия остается отсталой страной, живущей за счет экспорта газа и нефти, в которой буквально воплощена политика «железного занавеса».

Основой государственной идеологии становится *Опричнина*, которую автор представляет как особое метафизическое состояние национального менталитета. В нём, по его мнению, заложена социально-психологическая «травма», периодически актуализирующаяся в общественных отношениях. В основе этой идеи лежит авторская концепция уникальной «русской метафизики», включающей элементы произвола, анархии и деструктивности. В. Сорокин понимает социальную травму именно как явление дискурсивное, как состояние сознания, которое определяет устойчивое состояние исторической катастрофы.

Раздел «**Опричнина как универсальная художественная модель "травмы" российской истории**» (3.1.2) посвящен анализу сюжета, системы персонажей и хронотопа диалогии как художественных средств, использованных

автором для репрезентации своей концепции истории. Основным приемом его поэтики стал «<...> перенос дискурсивности на уровень телесности»²⁷, который прослеживаются на всех уровнях текста.

Главной характеристикой этого художественного мира становится его буквальная метафоричность. В описании новой России в глаза, прежде всего, бросается обилие бытовых и языковых анахронизмов. Автор активно архаизирует речь, а также описывает технически невозможные гибриды современного коттеджа и помещичьей усадьбы. Атрибуты Опричнины, выглядящие на первый взгляд как карнавальные аксессуары (отрубленная собачья голова на капоте и метла на багажнике машин опричников, серьги в ушах, кафтаны, холодное оружие и пр.), не просто символизируют возвращение к старине, а выполняют роль культурных кодов, определяющих поведенческие модели.

Описанный день из жизни «коренного» московского опричника Андрея Комяги складывается из эпизодов с групповым изнасилованием, казнью, походом в баню, коллективным гомосексуальным контактом, употреблением наркотиков, многочисленными приемами пищи, убийством и садомазохистской оргией. Главным смыслом жизни опричников становится непрерывное злоупотребление властью в форме остро переживаемого психофизиологического экстаза на грани самоуничтожения. Эта тотальная метафизика телесности переводит социальную деятельность в психоэмоциональную область и далее в специфический дискурс.

Анализ рассказов, входящих в цикл «Сахарный Кремль», позволяет утверждать, что подобным образом реализуют себя не только опричники, но и все остальные россияне. В этих рассказах автор усиливает этот эффект введением нового символа, Сахарного Кремля, процесс поглощения которого становится главной формой социализации и обеспечивает единство общества. Таким образом, вся духовная и социальная жизнь в Опричной России происходит в сфере коллективного подсознательного, воплощенного в снах и состояниях наркотического и сексуального экстаза, алкогольного опьянения. Хронотоп произведения, в котором перегруженность времени событиями и действиями органично сочетается с однородностью и свободной проницаемостью описанного пространства, усиливают этот эффект.

В этом контексте коллективной национальной духовности, как ее представляет автор, теряет смысл вопрос о роли исторической личности, цели и смысле исторического процесса. Специфика исторической концепции

²⁷ См. Липовецкий М. Н. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 120. С. 226.

В. Сорокина заключается не только в «метафизике места», но и в «метафизике времени» – особых периодах в истории России, когда «травматические противоречия» вырываются из общественного коллективного подсознания (дискурсивного пространства) в область социального поведения.

Таким образом, в диалогии В. Сорокина идеи изоляционизма, неоевразийства, соборности и особого пути России предметно реализуются в проекте монархической державы, собранной воедино неким инстинктом государственности, воплощенным в мистической субстанции Сахарного Кремля и коллективной телесной «духовности» Опричнины. В ее собирательном образе автор воплотил все худшее, что, по его мнению, было в русской истории и есть в национальном характере.

Общественное сознание современной России (да и всей человеческой цивилизации в целом) автор оценивает как травматическое, поэтому основным объектом его художественной рефлексии становится метафорическая репрезентация регулярно повторяющихся кризисных явлений в социальной практике общественных отношений. Опричнина представляет собой в его произведениях универсальное и устойчивое состояние российской действительности, чреватое повторением в ближайшем будущем.

Объектом исследования второго параграфа **«"Маскав" и "Гумунистический край" – две версии развития России в романе А. Волоса "Маскавская Мекка"»** стала одна из наиболее заметных антиутопий начала XXI века, в которой репрезентирован оригинальный образ будущего: два параллельно существующих художественных мира, воплощающих разные временные и культурные полюсы российской истории. В разделе **«Преодоление отчаяния и ностальгия как ведущие мотивы прозы А. Волоса» (3.2.1)** представлена характеристика творческих интенций автора и его художественного мира, наиболее заметной чертой которого является конфликтность и трагизм.

Истоки трагического мироощущения автора, уроженца советского Таджикистана, кроются в его личном опыте. Критики отмечают ведущие мотивы его творчества: ностальгию по целостному и безопасному миру, изображенному в его ранних произведениях, отчаяние, вызванное утратой родины, а также отчуждение и нищету, которые он видит в настоящем. А. Волос изображает процесс культурного разложения постсоветского пространства и происходящие в нем межнациональные и межрелигиозные конфликты. При этом он активно использует средства мифологизации художественного пространства Востока и России, погружается в прошлое нашей страны, обнаруживает «болевые» точки

и причины конфликтов. Эти тенденции нашли свое отражение и в романе «Маскавская Мекка».

Его анализу посвящен раздел **«Метафизика насилия в романе "Маскавская Мекка"» (3.2.2)**. Советская линия истории реализована автором в описании Краснореченского Гумкрая, моделирующего советскую «глубинку» середины прошлого века, где наличествуют Гумунистическая Рать (аналог КПСС), гумхозы, УКГУ (аналог НКВД), обкомы, профкомы и другие атрибуты советской действительности. Общество Гумкрая расколото на две неравных части: функционеры Гумрати (партии) и остальное население.

Постсоветская версия будущего представлена в описании Маскава: это Москва конца XXI в., глобализованная столица технически развитого государства, где разные этносы и религии объединены в Великом Слиянии под символами единого бога, но преобладает все же исламское влияние. В Маскаве общество резко делится на богатых и бедных, что становится причиной острого социального конфликта.

Фабулу романа составляют две параллельные событийные линии, маскавская и голопольская, изложенные в последовательно чередующихся главах и смыкающиеся в эпилоге. Главным событием маскавской линии сюжета становятся крупные уличные беспорядки, организованные партией КСПТ на деньги олигарха Кримпсона-Худоназарова, закончившиеся массовым кровопролитием и возвращением к исходному состоянию жизни постиндустриального мегаполиса, лишенного исторической памяти и перспективы развития. В Гумкрае сюжетобразующими событиями становятся возведение Мавзолея для поврежденного памятника Виталину (Ленину) и проведение магического обряда «директива "Ч-тринадцать"», то есть физического убийства и воскрешения ратийных функционеров, целью которого является их психологическое перерождение.

При этом в центре художественного мира «Маскавской Мекки» находится человеческая личность, живущая во враждебном и страшном мире. В ситуациях выбора, предлагаемых ей сюжетом, она руководствуется стремлением к нормальной человеческой жизни, семейному счастью, осмысленной работе. Однако вечный круговорот социальных потрясений не оставляет возможности их реализации.

Ни в Маскаве, ни в Гумкрае нет социальных механизмов для позитивного развития. Постоянно существующий конфликт между социальным верхом и низом в Гумкрае эффективно подавляется существующей там репрессивной машиной, а в Маскаве социальные противоречия между безликой нищей массой и

столь же безликой правящей верхушкой выливаются в регулярные массовые погромы, не дающие существенных социальных и экономических перемен.

Такая постановка проблемы закономерно смещает тематику романа в область психологическую, сводит все многообразие социальных и культурных процессов к элементарным деструктивным коллективным эмоциям. В конечном итоге в обеих описанных версиях развития истории представлена ситуация консервации острых и неразрешимых социальных конфликтов. В этих условиях вся духовная и социальная жизнь, так же как в произведениях В. Сорокина, происходит в сфере социального подсознательного и реализуется в снах.

Замкнутый хронотоп, состоящий из двух слабо связанных пространств (техногенный Маскав и Гумкрай как заповедник советского прошлого, существующий в особом мифологическом пространстве), а также включение фантастического элемента в сюжет, усиливают этот художественный эффект. Большую роль в романе играют отдельные детали, содержащие аллюзии к советскому прошлому (памятники Виталину, партийная атрибутика) и дополняющиеся восточными чертами в облике Маскава.

Авторская концепция времени является циклической, поскольку позитивный прогресс в этом мире невозможен, так как основной движущей силой этого возвратно-поступательного процесса он полагает особый менталитет жителей Гумкрая и Маскава. Образ будущего у А. Волоса является негативным, поезд истории здесь даже идет не по кругу, а загнан в два глухих тупика.

Следующая версия возможного антиутопического будущего репрезентирована В. Пелевиным, ее анализу посвящен **параграф третий «Новый мир тотальной несвободы в либерпанковской анти-утопии В. Пелевина "S.N.U.F.F."»**. Первым этапом этого анализа стала характеристика творчества этого автора, данная в разделе **«Роман "S.N.U.F.F." в контексте творчества В. Пелевина» (3.3.1)**.

Критики и литературоведы по-разному характеризуют творчество В. Пелевина, относя его к турбореализму, постмодернизму, фантастике, философской фантастике и т.д. Исследователи отмечают ведущие доминанты художественного стиля В. Пелевина: «виртуальность» (стремление к деконструкции реальности) и мифологичность, так как он активно использует все виды мифов, переосмысливает их, разрушает и создает новые авторские мифы. В его текстах эти установки реализуются через интертекстуальность и активное использование фантастических элементов.

В. Пелевин всегда остается в кругу острейших проблем современности, и если в 1990-х годах главным направлением его творчества стало разоблачение

фальши тоталитарного общества и фантомов постперестроечной действительности, то в начале XXI века в центре его внимания оказались негативные последствия «вестернизации» российской культуры и экономики. Главное для писателя – это утверждение идеалов истинной духовной свободы как высшего смысла бытия путем критики последствий глобализации. Художественное осмысление этих проблем получило идейно-художественное развитие в романе «S.N.U.F.F.» (2012), где особенно остро стоит проблема «Россия и Запад», решаемая методом активной критики «либерпанковской» модели общества.

В разделе **«Сакральная реальность снафа как цивилизационный проект и его реализация в "Эре насыщения"» (3.2.2)** рассматривается антиутопическая модель будущего В. Пелевина. События, описанные в «S.N.U.F.F.'e», происходят в постапокалиптическом мире «Эры насыщения» XXVIII века, когда человечество уже пережило несколько глобальных катастроф. Сюжет романа основан на изображении взаимоотношений двух стран: технологически отсталой Уркаины (Уркаинского Уркаганата), которую населяют «орки», и висящего над ней высокотехнологичного «офшара» Бизантиума, населенного «людьми». Таким образом, Виктор Пелевин моделирует хронотоп, в котором противопоставлены либерпанковский аналог современной западной цивилизации и аналог стран третьего мира.

В этом мире функционирует постантихристианская религия с верховным божеством Маниту и практикуется сакральная индустрия s.n.u.f.f.'ов, представляющих собой гибрид военно-документальной видеопродукции и порнофильма, символизирующий неразрывную связь любви и смерти. Их производству подчинен образ жизни всего населения этого мира. «Люди» снимают и смотрят новости и снафы, поэтому большую часть времени проводят перед мониторами персональных компьютеров. А орки живут внизу, на земле, в грязи и дикости, под дегенеративной властью Уркаганов и вертухаев, обеспечивая информационными поводами новостной блок, а также создавая массовку для ритуальных убийств в ходе регулярных «Священных войн».

Основным видом деятельности здесь является деятельность дискурсивная, представляющая собой процесс производства и обмена информацией. В конечном итоге информационное пространство превращается в самодостаточную виртуальную реальность, а мифологемы общественного сознания и продуцируемые ими поведенческие модели приобретают тотальный метафизический статус и подчиняют себе как отдельную личность, так и все социальные институты.

В основе существования этой цивилизации лежат «естественные» экономические и физиологические потребности отдельных индивидов (личный ком-

форт, социальный престиж и секс). Роль отдельной личности в движении исторического процесса является минимальной, а жизнь общества определяются коллективно создаваемыми и постоянно обновляющимися мифологемами и культурными кодами, которые образуют самостоятельную виртуально-информационную реальность как главный элемент художественного пространства. Наиболее заметным средством авторской репрезентации становится создание таких знаковых культурных кодов, как Уркаина, уркаганы, орки, вертухаи, офшары, GULAG, дискурсмонгер, маниту.

Анализ текста романа «S.N.U.F.F.» позволяет сделать следующие выводы. Художественно-историческая концепция В. Пелевина основана на представлении об истории как циклическом прерывном развитии локальных цивилизаций. Концепция истории автора базируется на негативной оценке современного состояния мирового сообщества и тенденции к его глобализации. В информационном постиндустриальном обществе, описанном В. Пелевиным, развитие информационных и других технологий приводит к деградации личности, отчуждению ее от исторического процесса и обострению статусной конкуренции. Социум, состоящий из меркантильных свободных гедонистов, превращается в общество тотальной несвободы, функционирующее на основе коммерциализации самых примитивных сексуальных инстинктов. Такая цивилизация неизбежно загнивает в культурном и экономическом отношении, что приводит ее к гибели – в этом, собственно, и состоит антиутопическое («либерпанковское») предупреждение автора.

Главным объектом описания в антиутопиях «День опричника» В. Сорокина, «Маскавская Мекка» А. Волоса и «S.N.U.F.F.» В. Пелевина является негативно оцениваемый образ будущего, где в центре внимания авторов оказываются вечные российские проблемы: низкая культура населения, высочайший уровень насилия и коррумпированность элиты. В. Сорокин, А. Волос и В. Пелевин изображают общества тотальной несвободы, которые нельзя оценить иначе как катастрофические. Заметной чертой этих произведений является их злободневность и наличие элементов политической сатиры. Представленный мир будущего является проекцией современного постиндустриального информационного общества, предлагаемые футурологические прогнозы моделируют кризисное состояние экономики, острое социальное неравенство, тоталитарную политику в области массовой информации и пр.

Для этих произведений характерны жесткая поляризация хронотопа, представляющего собой отдельные изолированные пространства, резко различающиеся уровнем развития и образом жизни. Течение времени ориентировано

на деградацию общества и определяется регулярным повторением закономерных катастроф. Основные события здесь происходят в области социального подсознательного или виртуальном информационном пространстве.

В этих антиутопиях преобладает циклическая модель времени, так как жизнь социума определяется состоянием общественного сознания, в котором господствуют неизжитые социокультурные травмы, вытесненные в область социальной психологии, что и обрекает мир на постоянное повторение вечных кризисов и катастроф. Обобщая содержание рассмотренных произведений, можно прийти к выводу: авторы современных антиутопий оценивают глобализационную утопию как тупиковый проект.

В главе четвертой **«Мифологизация российской истории в исторической беллетристике XXI в.»** представлен анализ творчества Б. Акунина, В. Рыбакова и И. Алимова, а также А. Баренберга и А. Шевцова. Их произведения относятся к таким жанрам исторической беллетристики как ретро-детектив, альтернативно-исторический и криптоисторический романы.

В первом параграфе **«Популярная конспирология Б. Акунина в контексте современной исторической беллетристики»** исследовано ее детективно-конспирологическое направление. Раздел **«Жанр ретро-детектива в творчестве Б. Акунина» (4.1.1)** посвящен раскрытию жанровой специфики произведений Б. Акунина и общей характеристике его концепции.

Исследователи различают два типа детективов, действие которых происходит в прошлом: исторический и ретро-детектив. Типологическими чертами исторического детектива является выбор реального исторического лица в качестве главного героя и широкое включение бытовых и культурных деталей. В романах Б. Акунина также присутствует элемент исторической и литературной стилизации, но его *Эраст Фандорин* является вымышленным лицом, исторические лица скрываются под псевдонимами, а в сюжет сознательно вносится элемент вымысла и даже фантастики. Другой заметной чертой акунинских детективов являются интертекстуальность и установка на злободневность, что в сумме позволяет отнести их к числу «ретро-детективов».

Такой подход к реконструкции истории характерен для конспирологического типа мышления, однако считать Б. Акунина типичным конспирологом было бы неверно, так как его конспирология не самоцель, а средство для создания динамичного сюжета. Но создание такого сюжета невозможно вне рамок определенной концепции истории, и эта концепция у Б. Акунина постепенно формируется в процессе создания «фандоринского цикла».

В ее основе лежит система либеральных ценностей, идеалом мироустройства, по Б. Акунину, является общество, основанное на законности и порядке, взаимном соблюдении прав и интересов. Автор в равной мере не одобряет ни революционного насилия, ни государственного произвола, ни тайного «прогрессорства» либеральной просвещенной элиты.

В разделе **«Мифологемы порядка и хаоса в конспирологических ретро-детективах об Эрасте Фандорине» (4.1.2)** проанализированы магистральный сюжет и система персонажей «фандоринского цикла» как средства репрезентации концепции истории Б. Акунина.

В «Приключениях Эраста Фандорина» представлены такие значимые исторические события как русско-турецкая война 1877-1878 гг., русско-японская война 1904-1905 гг., коронация Николая II, а также присутствуют аллюзии на наиболее известные акции революционного подполья. Проведенный анализ содержания романов из серии «Приключения Эраста Фандорина» позволяет утверждать, что в основе художественного мира Бориса Акунина лежит целостная и непротиворечивая мифологизированная концепция российской истории, исходной точкой которой является идеализация «викторианской России» XIX в., постепенное разрушение которой стало магистральным сюжетом всего цикла.

Начав с классической конспирологии («Азazelь», «Турецкий гамбит», «Смерть Ахиллеса»), где вечные этические проблемы разрешались в рамках произвольно сконструированных псевдоисторических коллизий (тайные общества, заговоры, шпионаж), Б. Акунин перешел к анализу тех же этических проблем на конкретно-историческом материале («Статский советник», «Коронация»), а затем – к изображению масштабных исторических событий («Алмазная колесница», «Черный город», «Не прощаюсь»). В процессе художественного осмысления событий прошлого автор приходит к все более критическому изображению коррумпированного и неэффективного имперского государственного аппарата, подводя читателя к мысли о неизбежности Революции.

Ведущей силой в ходе исторического процесса, по Б. Акунину, являются не социально-экономические факторы и технический прогресс, а негативное изменение нравственного климата в обществе, результатом которого становится культивирование радикальных революционных настроений, национализм, социальная и религиозная конфронтация. Всеобщее падение нравов, которое демонстрирует Б. Акунин, происходит вследствие изначального несовершенства общества, усугубляемого как революционным произволом, так и попытками насильственной модернизации со стороны государства. Таким образом, линей-

ное движение времени в его произведениях представляет собой неуклонное приближение Катастрофы.

Эта точка зрения выражается автором как через прямые высказывания его героев, так и через систему персонажей и сюжетных конфликтов. Противостояние Порядка и Хаоса в его романах происходит на уровне личностном, и в роли антагонистов у него выступают не только фанатичные революционеры, но и коррумпированные некомпетентные чиновники, а также международные шпионы и маниакальные преступники. Протагонист Фандорин выступает в роли защитника Порядка, который благодаря своим способностям, мужеству и честности последовательно разоблачает заговоры, предотвращает диверсии и восстания, но в конечном итоге проигрывает.

Основным объектом авторского анализа становится человеческая личность, делающая тот или иной выбор в конкретных исторических условиях. Он может определяться как врожденным этическим императивом, так и воздействием внешних обстоятельств. Но ведущей в романах Б. Акунина является именно императивная составляющая личности, а обстоятельства лишь дают ей возможность проявить себя. При этом приоритет этической проблематики становится основой многочисленных аллюзий с современностью, вследствие чего коррупция, карьеризм и национальная рознь выглядят вечными, поэтому в его изображении прошлое России смыкается с ее настоящим. И если автору не удалось представить идеальную модель общественного устройства, то образ эталонного героя, «благородного мужа» Эраста Фандорина, ему вполне удался.

Второй параграф **«Проблема взаимодействия человека и общества в утопиях В. Рыбакова»** содержит анализ цикла альтернативно-исторических романов В. Рыбакова и И. Алимова «Евразийская симфония (Плохих людей нет)». В разделе **«Творчество В. Рыбакова в контексте российской фантастики рубежа XX–XXI вв.» (4.2.1)** рассматриваются ранние произведения В. Рыбакова. Его роман «Гравилет "Цесаревич"» считается классическим в жанре альтернативной истории 1990-х гг. Здесь автор представил идеальный монархический вариант российской истории, в которой не было Революции и мировых войн. В основе этой версии лежит идеал либеральной модели общества, «правового государства», не испытавшего деструктивного влияния марксистской идеологии.

Однако в антиутопии «На будущий год в Москве» В. Рыбаков представил альтернативное настоящее России, распавшейся на десятки отдельных карликовых государств, сырьевые придатки развитых стран, в которых полностью уничтожены промышленность и наука. Примечательно, что в этом построссийском

пространстве нет явных примет разрухи, экономического упадка, терроризма и политических репрессий, но отсутствие возможностей для творческой деятельности генерирует атмосферу духовного вакуума, морального удушья.

Таким образом, эволюция концепции истории В. Рыбакова происходила в общем русле социокультурных процессов в России, для которых характерно разочарование в политике либеральной модернизации и возникновение антилиберальных идей. Эта линия была продолжена в произведениях, написанных в соавторстве с И. Алимовым.

Их анализу посвящен раздел **«"Глобальная" этическая утопия Хольма ван Зайчика "Евразийская симфония (Плохих людей нет) "» (4.2.2) как цивилизационный проект**. Этот цикл из семи романов («Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игореве» и др.) большинство критиков и литературоведов рассматривают как альтернативно-историческую утопию, описание идеальной страны Ордусь, основой взаимоотношений в которой являются веротерпимость и взаимоуважение.

Этот литературный проект можно рассматривать как художественную реализацию идей *панмонголизма и евразийства*, так как по версии авторов история Ордуси началась в XIII веке с добровольного объединения Руси и Золотой орды. На основе сложного синтеза идей христианства и конфуцианства Ордусь создает мультикультурное общество, сознательно противопоставленное «варварской» западной цивилизации, погрязшей в корысти и бездуховности. Целью развития такого передового государства и его жителей является достижение всеобщей Гармонии, на основании уже известных принципов этической регуляции общественных отношений, которые сформулированы в форме религиозных учений. У ордусян нет необходимости в социальных экспериментах и поиске новых идеалов, им достаточно воплотить уже имеющиеся. Движущей силой в этом процессе является свойственное от природы каждому человеку и каждой нации стремление к духовному совершенству.

Сюжеты романов основаны на детективной фабуле, в которой доблестные «человекоохранители» Богдан Оуянцев Сю и Багатур Лобо расследуют ряд преступлений, совершенных в Ордуси: похищение «Ясы» Чингисхана, серию убийств лис-оборотней, попытку разрушения Луны, организацию массовых межэтнических конфликтов в Асланивском уезде и пр. Каждое из таких преступлений моделируется авторами как ситуация испытания не только для героев, но и для общества в целом, и почти в каждом из них обнаруживается «западный след». В романах В. Рыбакова и И. Алимова критически переосмысле-

ваются все либеральные ценности, такие как гендерное равноправие, политкорректность, демократические свободы и пр.

Для поэтики романов характерны стилизация восточных реалий, активная литературная и словесная игра, а также многочисленные аллюзии с современностью. В целях создания динамичного сюжета авторы используют элементы мистики и фантастики, а также детективную фабулу, но эти художественные средства выполняют скорее служебную функцию. Значительно большую роль в репрезентации авторского замысла играют характеры и обстоятельства личной жизни главных героев, представленных как «благородные мужи», эталон конфуцианской этики.

В основе художественной концепции В. Рыбакова лежит этическое учение, в котором главной ценностью и движущей силой истории становится человек, обладающий врожденной этической доминантой в поведении, а также стремлением к самосовершенствованию. Явное преобладание этической составляющей в авторской концепции истории определяет все остальные ее характеристики. Концепция времени здесь, как и в большинстве альтернативно-исторических романов, является линейной, но эта линейность лишена обязательной устремленности к какому-либо принципиально иному будущему. Авторы не отрицают прогресс, но в их концепции он только обеспечивает необходимые технические возможности для сохранения и утверждения высших духовных ценностей.

Утопическая концепция истории В. Рыбакова на первый взгляд является художественной реализацией этических принципов конфуцианства, но за экзотическими китайскими декорациями, за псевдомонархической романтикой в его «Ордуси» можно усмотреть идеи Соборности и Всеединства как базовых принципов существования религиозного в основе своей общества.

Третий параграф **«Альтернативные версии Великой Отечественной войны в современной исторической беллетристике»** включает анализ двух романов, «Первым делом самолеты» А. Баренберга и «Черные следопыты» А. Шевцова, относящихся к такому направлению исторической фантастики, как «"попаданцы" на Великой Отечественной войне». В разделе **«Великая Отечественная война в общественном сознании XX-XXI веков» (4.3.1)** представлена характеристика состояния этого дискурса в России.

Великая Отечественная война является одним из наиболее значимых событий советской истории, интерес к которому заметно вырос в начале XXI века. Исследование самых разных аспектов истории Войны было начато с момента ее окончания и продолжается в настоящее время. Этой теме посвящено множество

научных и научно-популярных работ, а также мемуарных, автобиографических и художественных произведений. Особое внимание вызывают такие вопросы, как причины разгрома Красной Армии летом 1941 г., личная роль Сталина, объем помощи СССР со стороны союзников, цена Победы и др.

Осмысление истории Великой Отечественной войны прошло несколько этапов. Прославление Подвига советского народа, отстоявшего страну от спровоцированной агрессии (1940-1950 гг.), дополнилось утверждением личной вины И. Сталина (1960-1980 гг.), как причины первоначальных неудач. В 1990-х гг. бывший советский разведчик В. Суворов выдвинул новую версию («Ледокол», «День М.» и др.), согласно которой СССР намеревался первым напасть на Германию, что и стало причиной разгрома Красной Армии в 1941 году.

В конце XX века «суворовская» версия начала войны была принята многими российскими и зарубежными историками, но в XXI веке подверглась жесткой критике и активно опровергается их коллегами. В контексте этого спора практически все аспекты военной истории, как широко известные, так и тщательно скрывавшиеся (использование заградительных отрядов, военные потери, массовые депортации и др.) могут рассматриваться как роковые просчеты или вынужденные меры. В этом дискурсе нет второстепенных вопросов, и даже такая узкоспециальная проблема как сравнительный анализ качества советской и немецкой военной авиации неизбежно приводит к оценке технического и промышленного потенциала СССР и Германии, а затем к спору о русском и немецком национальных характерах.

Анализ точек зрения на причины и ход войны приводит к выводу: историки современной России исключают версию агрессивной роли СССР в развязывании Второй мировой войны. Поражения первых двух лет военных действий объясняются (в противовес В. Суворову) миролюбивой политикой советского руководства, рядом стратегических просчетов, а также недостаточной подготовкой Красной Армии.

В литературе военная тема занимает огромное место, представлена она и в исторической беллетристике, в том числе и романах о «”попаданцах” на ВОВ», которые рассматривают альтернативные варианты Великой Отечественной войны. Различают два основных типа сюжета: «прогрессорский» и «военный». В первом случае герои «предупреждают» Сталина и оптимизируют ход войны, выступая в роли «прогрессоров», во втором им выпадает героическая судьба принять участие в ходе боевых действий. Несмотря на заметную разницу в понимании исторического процесса и структуре сюжета, главным художественных эффектом обоих направлений становится возможность соотнесения настоящего

и будущего, с целью поиска нравственного идеала в прошлом. Оба варианта в конечном итоге представляют собой *ситуацию испытания* для нашего современника, поиск ответа на вопрос: «достойны ли мы отцов и дедов?»

Реализация этих вариантов сюжета представлена в двух произведениях, ставших объектом анализа в разделе **«Великая Отечественная война в альтернативно-исторических романах "Первым делом самолеты" А. Баренберга и "Мы из будущего" А. Шевцова» (4.3.2).**

Роман А. Баренберга «Первым делом самолеты» является одной из наиболее типичных книг о «"попаданцах" на ВОВ», где автор реализует вариант сюжета с «предупреждением Сталина». Сознание рядового менеджера, авиаинженера по образованию, в ходе компьютерной игры переносится из XXI века в 1940-й год, в тело летчика Воронова. Оказавшись в прошлом, герой сумел убедить И. Сталина в неизбежности войны и, пользуясь своими «послезнаниями», «изобрел» несколько улучшенных моделей самолетов. В итоге гитлеровцы натолкнулись на эффективное сопротивление, а война была закончена в течение года с минимальными потерями.

Такой результат возможен только в историко-беллетристическом произведении, основанном на упрощенной концепции истории, в которой причинно-следственная связь событий оказывается доступной для изменения внешними силами. Другим ее следствием становится реабилитация личностей Сталина и Берии. Автор не идеализирует их, но представляет не кровожадными фанатиками, а прагматичными государственными деятелями, заботящимися, прежде всего, о благе государства. В его представлении «Большой террор» и политические репрессии в целом выглядят как необходимый и оправданный элемент внутренней политики. Такая оценка этих исторических лиц и событий достаточно популярна в настоящее время.

Но такое упрощенное понимание истории свойственно не всем «фантастам», многие полагают, что течение истории определяется суммой событий, поэтому целенаправленное изменение цепочки событий невозможно в принципе. Эта концепция представлена в романе А. Шевцова «Мы из будущего», где группа «черных следопытов», промышленяющих поиском оружия, наград и ценных вещей на местах отгремевших боев, оказывается перенесена в лето 1942-го года непосредственно на место боевых действий под Ленинградом. Их попытки доказать свое иновременное происхождение оказываются безуспешными, и «следопыты» вынуждены встать на защиту Родины.

В данном случае идейной доминантой романа становится сопоставление времен, весьма невыгодное для современности. «Следопыты», представленные

автором как откровенные подонки, несколько раз пытаются дезертировать в будущее, однако под влиянием момента и личного примера советских воинов духовно перерождаются и даже совершают несколько подвигов. После этого им удается вернуться, хотя в процессе перехода один из них гибнет, прикрывая друзей. Описание процесса превращения «следопытов» в патриотов и становится основой сюжета романа.

Такое отношение к Великой Отечественной войне характерно, несмотря на разные формы сюжетного выражения, для всех писателей этого направления фантастики. Победа является одной из самых славных страниц в нашей истории, поэтому у авторов постоянно возникает желание сократить временной разрыв, ощутить причастность к ней. При создании сюжета авторы исходят из того, что современный человек, обладающий знанием будущего, не может остаться в стороне, вследствие чего практически все «попаданцы» активно участвуют в Войне и так или иначе приближают общую Победу.

В итоге главным художественным открытием здесь, как ни парадоксально это звучит, является образ нашего современника, который включает ряд обязательных характеристик. Типичный «попаданец» на ВОВ – это, как правило, «средний человек», вполне успешно социализированный индивид, у которого могут быть специфические увлечения (военная история, единоборства, военно-спортивные игры), а также реальный боевой опыт и подготовка, но все это скорее уступка требованиям приключенческого сюжета. Главными его качествами становятся информированность, внутренняя независимость и социальная активность. Это, в конечном итоге, та идеальная личность, которой хотел бы видеть себя читатель.

Сопоставление образов людей прошлого и будущего демонстрирует некоторое превосходство «внуков» над «дедами», что является не их личной заслугой, а результатом социальной эволюции в условиях бурной российской истории, но при этом признается и акцентируется моральное превосходство предков, их высокая стойкость и героизм – в частности, их вера в Победу этически выше, чем знание «потомков», поэтому авторы обращаются к трагическим событиям прошлого для поиска нравственных образцов, пытаются понять основополагающие черты национального характера.

Образ будущего – в данном случае оценка актуального настоящего – в таких произведениях представляется как негативный. Идеалом писателей-фантастов является Россия Великая и Могучая, но величина и могущество ее определяются не размером территории и обилием природных ресурсов, а силой духа русского/советского человека.

Анализ произведений Б. Акунина, В. Рыбакова, И. Алимова, А. Баренберга и А. Шевцова позволяет утверждать, что современные беллетристы критически относятся к достижениям западной цивилизации и обращаются к поиску идеала в прошлом. Следствием этого стали идеализация «викторианской России XIX века» и китайской империи, а также сталинской эпохи, которая активно мифологизируется в качестве эпохи героической. Результат исторического процесса беллетристы представляют как равнодействующую отдельных поступков и волевых решений. Установка на исправление ошибок требует более активного воздействия, поэтому в историко-беллетристических произведениях становится возможным изменение истории силами одного человека.

Художественные средства, которые используют авторы – динамичный сюжет, широкое включение элементов фантастики, анахронизмы и сознательное искажение исторических фактов – обусловлены жанровой природой их произведений. К специфическим средствам поэтики в современной исторической беллетристике можно отнести высокий уровень интертекстуальности, так как все они строятся на принципах переосмысления существующих текстов и мифологем общественного сознания.

В Заключении представлены выводы по данной работе. Политические, социальные и экономические вызовы, с которыми столкнулось человечество в начале XXI века, радикально изменили картину мира, сделав ее многополярной. Для современного общественного исторического сознания России характерны неудовлетворенность настоящим, критическое отношение к прошлому и антимодернизм, то есть решительный отказ от любых проектов качественной модернизации общества в будущем.

Вследствие резкого обострения межгосударственных, межнациональных и внутривнутриполитических конфликтов споры о событиях прошлого перешли из области научной теории в сферу политической практики. В этом контексте оценки исторических событий приобретают постоянную знаковую ценность, так как любое из них может стать аргументом политической дискуссии и информационным поводом для активного обсуждения в медиапространстве. Объектом рефлексии становятся не только частные вопросы российской истории, но и базовые цивилизационные ценности. Этот процесс осложняется также состоянием перманентной догоняющей модернизации, продолжающимся распадом постсоветского культурного пространства и внешнеполитическим давлением.

Условия функционирования исторического дискурса в настоящее время заметно изменились. Тотальная информатизация общества сделала активными участниками процесса всех социально активных граждан России, а также сформировала новые форматы общения (блоги, форумы, социальные сети и

пр.). В настоящее время в современном информационном пространстве дискурс представляет собой непрерывно обновляемый гипертекст.

Каждый из перечисленных факторов в отдельности не является уникальным. Но их одновременное функционирование создало принципиально новую ситуацию, для которой характерно отсутствие достаточно авторитетной исторической концепции, представление об относительности истины и консенсусной природе научного знания, что не могло не повлиять на историческое сознание писателей.

К настоящему моменту в русской литературе уже сформировался значительный корпус текстов, посвященных репрезентации исторического процесса и моделированию будущего, который позволяет выделить новые типологические черты ретроспективного и антиутопического жанров литературы. Проведенный многоаспектный анализ приводит к выводу, что за видимым жанровым и содержательным многообразием скрывается единство авторских позиций и сходство методологических принципов интерпретации прошлого.

Анализ избранных произведений позволяет утверждать, что Б. Васильеву, А. Иванову, Д. Гранину, В. Сорокину, А. Волосу, В. Пелевину, Б. Акунину, В. Рыбакову, И. Алимову, А. Баренбергу и А. Шевцову удалось отразить ведущие тенденции художественно-исторического дискурса начала XXI века и представить свои художественные варианты ответов на наиболее злободневные вопросы, волнующие общество.

Авторы исследованных произведений решают, главным образом, актуальнейшую проблему переоценки российской истории, а также определяют перспективы развития России в контексте общемировых тенденций. Для художественного воплощения этих проектов привлекаются самые различные идеи: неоевразийская (В. Сорокин, А. Волос, В. Рыбаков, И. Алимов), монархическая (В. Сорокин, В. Рыбаков, И. Алимов), советская (А. Баренберг, А. Шевцов), неоязыческая (А. Иванов). Несмотря на видимое многообразие исторических концепций, общим для всех авторов являются представление о ценности и самодостаточности российской государственности, а также «особом пути России».

Антиглобалистская и антилиберальная («либерпанковская») составляющие концепций А. Волоса, В. Пелевина, В. Рыбакова и А. Баренберга обусловлены разочарованием состоянием дел в современном мире. Актуальная модель глобализации критикуется либо как недостаточно эффективная, либо неосуществимая в условиях российского общества. В конечном итоге консенсусным для современного художественно-исторического дискурса является идеал цивилизованного образа жизни, в котором высокий уровень развития технологий и экономики со-

ответствует столь же высокому уровню взаимной лояльности государства, человека и общества.

В современном художественно-историческом дискурсе прошлое предстает не как цепь известных событий, связанных причинно-следственными или другими отношениями, а как нечто не вполне упорядоченное, непостижимое и способное к изменению. Поэтому внимание писателей оказывается направлено на поиск и интерпретацию спорных или малоизученных событий. Закономерным следствием этих изменений в авторском историческом сознании стало формирование новой стратегии репрезентации истории, ориентированной на моделирование исторического процесса. Произведения, созданные в XXI веке, представляют собой художественные версии исторических событий. Они нацелены на формирование нового исторического сознания, поэтому отличаются ярко выраженной дискурсивностью и некоторой провокативностью.

Характеризуя состояние художественно-исторического дискурса рубежа XX-XXI веков, А. М. Эткинд предлагает для его характеристики понятие «магический историзм», который «<...> представляет прошлое не просто как “другую страну”, но как страну экзотическую и неразведанную, так и оставшуюся беременной нерожденными альтернативами и непременными чудесами <...> Магический историзм ближе к жанру альтернативной истории <...>»²⁸.

Общность исходной задачи определила концептуальное единство исследованных произведений, авторам которых удалось выработать и художественно воплотить целостные и оригинальные концепции истории, которые включают все необходимые составляющие: представление о смысле истории, движущих ее силах, роли личности, а также образ будущего и модель времени.

Авторское понимание *движущих сил* исторического процесса основано на метафизической идее многофакторного причинно-следственного детерминизма, но на первый план выходит представление о доминирующей роли личности в истории. Вследствие этого представление писателей *о целях и смысле истории* опирается на *антропологическую телеологию*. Это обстоятельство предопределяет обязательное наличие этических проблем и оценок. Писатели исследуют конфликты психологические, которые закономерно перерастают в метафизические (столкновение национальных менталитетов, культурных стереотипов и поведенческих моделей).

На основе антропологической телеологии был сформирован новый *образ будущего*. В качестве оптимального варианта развития рассматривается универ-

²⁸ Липовецкий М. Н., Эткинд А. М. Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 178.

сальный проект технически развитого общества, обеспечивающего своим гражданам высокий уровень жизни, безопасность и защиту, а также дающий возможность наиболее полной самореализации, но реальных путей достижения этой цели писатели не видят. Авторы антиутопий последовательно соотносят этот идеал со всеми имеющимися проектами (Российская монархия, Советский союз, Глобализация) и демонстрируют невозможность их осуществления, которая обрекает человечество на бесконечное повторение кризисов прошлого. В жанре исторической фантастики представлен ряд утопий, успешно сочетающих лучшие черты всех политических систем, но их воплощение возможно только фантастическими средствами. В итоге какого-либо позитивного варианта развития русской истории современные авторы не представляют.

Противоречивость авторских концепций ярче всего проявилась в созданных ими *моделях времени*. Ведущим в творчестве современных писателей является представление о линейном развитии общества. Наиболее полно линейная концепция представлена в романах исторических, авторы которых рассматривают причины и условия, приведшие к существующему положению. В исторической беллетристике также преобладает идея линейного развития, в которой роль причинно-следственного детерминизма заметно возрастает. В антиутопиях течение времени принимает циклический характер, возвращая мир к уже существовавшим в прошлом кризисным состояниям.

Ведущими средствами репрезентации авторских концепций стали тотальная поляризация художественного мира, обострение социальных и политических конфликтов, проекция сюжетобразующих конфликтов в область подсознательного, описание пограничных состояний сознания, акцентирование тем сексуальности и насилия, а также создание сюжетобразующих мифологем.

Представленное диссертационное исследование обобщает результаты работы критиков, литературоведов, социологов, политологов и других специалистов, посвященной изучению исторического дискурса, выполненной на рубеже XX-XXI веков. Проведенный анализ концептуального содержания избранных произведений и средств художественной репрезентации открывает новые перспективы изучения современной исторической прозы, антиутопии и исторической беллетристики.

Исследование состояния современного исторического дискурса дает возможность определить наиболее актуальные темы и проблемы, оценить новизну авторского замысла и специфику творческой интенции, а также степень научности концепции истории автора и его вклад в исследование проблемы. Полученные результаты могут быть спроецированы на другие произведения авторов изученных произведений, предлагают новые аспекты

литературоведческого анализа, а также могут применяться для оценки всех произведений данных жанров.

Представленная теоретическая характеристика составляющих концепции истории, результаты анализа сюжетообразующих конфликтов, магистральных сюжетов, системы персонажей и хронотопа произведений позволяют уточнить жанровую типологию современной исторической прозы и антиутопии, раскрывают принципы художественного воплощения авторского замысла и могут быть использованы как для характеристики тенденций развития современной литературы, так и в качестве общей методологии анализа ретроспективной и антиутопической прозы.

Этой же цели служит исследование новых направлений исторической беллетристики, которое позволяет выделить наиболее общие составляющие современного исторического сознания. Рассмотрение современной беллетристики в одном ряду с историческими романами и антиутопиями продолжает необходимую работу в области исследования произведений второго ряда литературы, а также позволяет определить возможности и принципы функционирования популярной в настоящее время историко-беллетристической формы репрезентации истории.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Лобин А. М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа / А. М. Лобин. – Ульяновск : УлГТУ, 2008. – 132 с.
2. Лобин А. М. Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века : монография / А. М. Лобин ; под ред. проф. А. И. Ванюкова. – Ульяновск : УлГТУ, 2015. – 310 с.

Статьи в журналах, включённых в Web of Science:

3. Лобин А. М. Утопические проекты истории России в современной исторической беллетристике / А. М. Лобин // Научный диалог. – 2018. – № 10. – С. 171–183.

Статьи в журналах, включённых в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

4. Лобин А. М. Литература и история: к вопросу о методах изображения истории в современной беллетристике / А. М. Лобин // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, вып. 4 (№ 51–52). – С. 453–457.

5. Лобин А. М. К вопросу о типологии жанров : жанровая модель современного историко-фантастического романа / А. М. Лобин // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2010. – № 3. – С. 95–102.
6. Лобин А. М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце пармы» / А. М. Лобин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – С. 119–125.
7. Лобин А. М. Исторический дискурс в неисторической прозе рубежа XX – XXI веков / А. М. Лобин // Известия ПГПУ им В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 316–318.
8. Лобин А. М. К вопросу о характеристике исторического дискурса русской литературы рубежа XX–XXI веков / А. М. Лобин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 83–89.
9. Лобин А. М. Соотношение историзма и фантастического вымысла в оценке критиков и читателей (на материале романа А. Иванова «Сердце пармы») / А. М. Лобин // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2012. – № 3. – С. 167–174.
10. Лобин А. М. Концепция истории Б. А. Васильева и ее репрезентация в романе «Князь Святослав» / А. М. Лобин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 3. – С. 98–106.
11. Лобин А. М. Роман-утопия В. Пелевина «S.N.U.F.F.»: проблема жанра и концепция истории / А. М. Лобин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 4. – С. 91–97.
12. Лобин А. М. К вопросу о механизме социального взрыва в романе-антиутопии А. Волоса «Маскавская Мекка» / А. М. Лобин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3 / URL: <http://www.science-education.ru/117-13694> (дата обращения: 04.06.2018).
13. Лобин А. М. История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов «Приключения Эраста Фандорина») / А. М. Лобин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 10. – С. 148–154.
14. Лобин А. М. Проблема творчества в конспирологической историко-философской картине мира / А. М. Лобин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3, Ч.3. – С. 110–112.

15. Лобин А. М. К вопросу об эволюции авторских концепций истории в научной фантастике XX-XXI веков / А. М. Лобин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (55), Ч.2. – С. 28–30.
 16. Лобин А. М. Концепция истории В. Сорокина и ее художественная репрезентация в повести «День опричника» / А. М. Лобин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17, вып. 1. – С. 109–113.
 17. Лобин А. М. Беллетризация истории как метод репрезентации истории в русской литературе XXI века / А. М. Лобин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12, Ч. 3. – С. 32–35.
 18. Лобин А. М. Представление о роли личности в концепции истории Д. А. Гранина (на материале романа «Вечера с Петром Великим») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12, Ч. 1. – С. 37–41.
- Публикации в других научных изданиях:*
19. Лобин А. М. Историческая концепция А. И. Солженицына и современная историческая фантастика / А. М. Лобин // А. И. Солженицын в русской культуре : сб. науч. тр. / сост. и отв. ред. проф. Л. Е. Герасимова. – Саратов : Издат. центр «Наука», 2009. – Вып. 3. – С. 182–188.
 20. Лобин А. М. Десакрализация евангельских сюжетов в современной массовой литературе / А. М. Лобин // Литература XI – XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы междунар. науч. конф. – Ульяновск : УлГТУ, 2006. – Ч. 1 : Национальное сознание в литературе и культурно-языковом развитии. – С. 354–357.
 21. Лобин А. М. Историческая проза в «нулевые» годы / А. М. Лобин // Литературная учеба. – 2010. – № 4. – С. 58–64.
 22. Лобин А. М. Утопический дискурс в российской исторической фантастике рубежа XX – XXI веков / А. М. Лобин // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX веков : колл. монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 367–393.
 23. Лобин А. М. Мифопоэтика образа Пармы в романе А. Иванова «Сердце пармы» / А. М. Лобин // Проблемы взаимодействия эстетических систем реализма и модернизма : межвуз. сб. науч. тр. – Ульяновск : УлГПУ, 2011. – С. 100–105.
 24. Лобин А. М. Магистральный сюжет современной исторической фантастики : на материале сюжета о «попаданцах» на Великой Отечественной

войне / А. М. Лобин // Славянские языки и культуры в современном мире : междунар. науч. симпозиум : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 320–321.

25. Лобин А. М. О герое современной исторической фантастики на материале произведений о «попаданцах» на Великой Отечественной войне / А. М. Лобин // Модели мироздания и трагическая судьба русской литературы XIX – нач. XXI вв. Художественный и мемуарный дискурс : материалы IX Междунар. науч. конф. / Сост. и отв. ред. проф. А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – С. 266–271.

26. Лобин А. М. «Герой нашего времени» в зеркале истории / А. М. Лобин // Настоящее как сюжет : материалы междунар. науч. конф. – Тверь : ТГУ, 2013. – С. 267–274.

27. Лобин А. М. Современная миддл-литература как новая версия традиционной беллетристики / А. М. Лобин // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2013. – № 3. – С. 11–13.

28. Лобин А. М. Великая Отечественная война как сюжет современной исторической фантастики / А. М. Лобин // Филологический класс. – 2013. – № 3 (33). – С. 122–127.

29. Лобин А. М. Перспективы создания глобализованного общества в антиутопиях XXI в. (на материале романов В. Сорокина «День опричника», А. Волоса «Маскавская Мекка» и В. Пелевина «S.N.U.F.F.») / А. М. Лобин // Будущее как сюжет : статьи и материалы. – Тверь : Изд-во Марины Батасовой, 2014. – С. 133–145.

30. Лобин А. М. Концепция гениальности в творчестве Д. А. Гранина (на материале романа «Вечера с Петром Великим») / А. М. Лобин // Филологический класс. – 2015. – № 1 (39). – С. 100–104.

31. Лобин А. М. «Вечные» идеи обновления общества в романе А. Волоса «Маскавская Мекка» / А. М. Лобин // Филологический класс. – 2016. – № 1 (43). – С. 83–88.

32. Лобин А. М. Концепция истории и проблема типологии исторических произведений / А. М. Лобин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12, Ч. 3. – С. 114–117.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Подписано в печать 27.02.2019.

Гарнитура Times. Печать Riso.

Усл. печ. л. 2,90. Тираж 100 экз. Заказ 0054.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП «Экспресс тиражирование»
410005, Саратов; Пугачёвская, 161, офис 320 ☎ 27-26-93